

АКАДЕМИКУ
ВАСИЛИЮ
ВАСИЛЬЕВИЧУ
СТРУВЕ

МОСКВА
1962

ДРЕВНИЙ МИР

СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Д. С. ЛИХАЧЕВ

ПОНЯТИЕ «КОНВОЯ» В ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Большинство древнерусских литературных произведений дошло до нас в составе сборников (кодексов). Связь между дошедшими до нас литературными произведениями в сборниках или вне их может быть очень различна — от самой тесной по содержанию до минимальной, от исторически сложившейся до случайно создавшейся в единственном списке в результате механической работы последнего писца или даже просто переплетчика, переплетшего вместе различные по содержанию и разновременные рукописи.

Изучение исторически сложившихся сборников с устойчивым или только относительно устойчивым составом открывает новый, дополнительный источник для восстановления истории текста входящих в них литературных произведений, для суждения о литературных вкусах читателей и переписчиков, для выяснения того, как понимался древнерусскими читателями и переписчиками жанр произведения, его идейный смысл, и пр.

К сожалению, необходимость изучения состава некоторых сборников и особенно того, что мы в дальнейшем будем называть «конвоем» памятника, недостаточно осознается еще всеми историками древнерусской литературы. Памятники древнерусской литературы издаются по большей части без указания на их текстологическое окружение в списках. Не все ясно и в том, что именно необходимо изучать в этом текстологическом окружении.

Обратимся к типам древнерусских сборников.

Прежде всего отметим сборники, которые по устойчивости своего состава и внутренней идейной связи частей могут рассматриваться как отдельные самостоятельные произведения.

Входившие в эти сборники произведения частично специально для них перерабатывались (сокращались или расширялись в каком-либо направлении, разбивались на отдельные части, которые включались в сборники по хронологическому или тематическому принципу, и т. п.), частично же сохранялись в зависимости от характера сборника. В большинстве случаев такие сборники устойчивого содержания (т. е. сохранявшегося при их переписке) имели даже особые названия и, следовательно, действительно воспринимались читателями как единые

произведения. К сборникам этого типа принадлежат летописные своды, хронографы, временники, степенные книги, различного типа палеи, Еллинский и Римский летописец, сборники религиозно-нравственного содержания с определенными названиями («Измарагд», «Златая Матица», «Златая Цепь», «Златоуст», торжественники различных видов — минейные, триодные, торжественники в виршах и т. п.), сборники житий (патерики, прологи), сборники изречений («Стословец» Геннадия, «Пчела») и т. д.

Текстологические принципы изучения летописных сводов и хронографов А. А. Шахматов указал в ряде своих работ, перечислять которые сейчас нет смысла. Если этими принципами в настоящее время исследователи и не всегда пользуются, то не потому, что они заменили их более совершенными, а вследствие того, что принципы эти требуют от текстологов огромной эрудиции и большого трудолюбия.

Текстологические принципы изучения сборников устойчивого состава религиозно-нравственного содержания были отчасти указаны в работах В. А. Яковлева и акад. А. С. Орлова¹.

Сборники с менее устойчивым составом мы могли бы назвать циклами произведений. История древнерусской литературы знает немало таких циклов, объединенных каким-либо одним общим (географическим, хронологическим или тематическим) признаком. К ним принадлежат новгородские произведения XV в.² В единый цикл входят повести муромские. К сожалению, эти циклы произведений изучаются крайне недостаточно. Долгое время «Повесть о разорении Рязани» рассматривалась вне связи с произведениями, составляющими единый рязанский цикл³.

Каждое произведение, входящее в цикл, переписывалось, постепенно изменялось или решительно перерабатывалось в составе цикла (до той, конечно, поры, пока оно из него не изымалось для какой-либо цели), и текстологически оно должно изучаться в неразрывной связи с историей такого цикла, иначе многие изменения текста просто окажутся непонятными.

Есть, наконец, сборники, которые мы можем считать также вполне устойчивыми, хотя устойчивость их и не проверена многократной перепиской в одном и том же составе. Это сборники, известные только в одном экземпляре («Изборник» Святослава 1076 г., «Паисиевский сборник» XIV в. и т. п.), но объединенные строгим замыслом их составителя. Любопытен, например, сборник, открытый В. Ф. Ржигой, в котором находятся сочинения Ермолая-Еразма. Изучение состава этого сборника в целом позволило В. Ф. Ржиге установить принадлежность Ермолаю-Еразму еще ряда новых произведений⁴.

¹ В. А. Яковлев, *К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования «Измарагде»*, Одесса, 1893; А. С. Орлов, *Сборники «Златоуст» и «Торжественник»*, СПб., 1905.

² В свое время Г. Кушелев-Безбородко издал порознь новгородские повести и сказания середины XV в. («Памятники старинной русской литературы», издаваемые Григорием Кушелевым-Безбородко, под ред. Н. Костомарова, вып. I, СПб., 1860). Мы можем на основании изучения состава сборников, в которые они входят, рассматривать их как единый цикл.

³ См.: Д. С. Лихачев, *Повести о Николе Заразском* («Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛ», VII, М.—Л., 1949), стр. 257, 258.

⁴ «Летопись занятий Археографической комиссии АН», XXXIII, Л., 1926; А. И. Клибанов, *Сборник сочинений Ермолая-Еразма* («Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛ», XVI, М.—Л., 1960).

Уже из последних примеров мы видим, что самое понятие *сборник* нуждается в уточнении. Оно может быть применено ко всей рукописи, в которую входит несколько произведений, объединенных единым переплетом, но мы можем назвать сборником и такой свод произведений, которые в реальной рукописи под общим переплетом составляют только часть текста. Так, цикл рязанских произведений почти во всех дошедших до нас рукописях составляет только их часть, а иногда под единым переплетом находится в соседстве с другими такими же циклами-сборниками или даже входит сам в состав более обширного сборника. В подобных случаях возникает необходимость внимательно изучать данный цикл в составе того сборника, в который он входит как часть.

Сборники могут входить друг в друга, как игрушечные деревянные яйца или матрешки, и перед текстологом, изучающим историю текстов этих сложных сборников, встает необходимейшая задача разобраться в исторически сложившихся связях между текстами.

Но может быть и так: то или иное произведение не входит в состав сборника, объединенного каким-либо единым принципом, а просто сопровождается в рукописях одним или несколькими произведениями. Именно этот случай, до сих пор не привлекавший к себе должного внимания, и следует особенно тщательно рассмотреть.

В самом деле, переписчик рукописи может переписать ее целиком или частями, по несколько произведений сразу. От этого то или иное, даже вполне случайное, соседство может повторяться в дальнейшем. Случай такого рода нередки и имеют очень большое текстологическое значение, так как почти всегда указывают на единую текстологическую традицию, выявление которой прямо ведет к установлению истории текста. Если же этот конвой одного произведения другими не случаен, а объясняется тем, как понимает древнерусский книжник жанр произведения или его идейную сущность, то он чрезвычайно важен и для решения ряда чисто историко-литературных вопросов.

К сожалению, описания списков, прилагаемые к публикациям древнерусских литературных памятников, в подавляющем большинстве не имеют полного перечисления всего содержания используемой в публикации рукописи, поэтому конвой памятников почти не изучен. Конечно, не все важно в составе рукописей. Если единым позднейшим переплетом объединено несколько рукописей разных почерков, то полное описание такого сборника представит интерес только для истории самой рукописи.

Только в той части памятника, которая переписана одним писцом или «дружиной» («артелью») писцов⁵, работавших по единому указанию, мы можем определить то важное текстологическое явление, которое я и предлагаю назвать «конвоем». Под этим термином следует понимать такое сопровождение текста изучаемого произведения в сборниках, которое может рассматриваться как традиционное, повторяющееся в различных рукописях, хотя бы внутренней связи у изучаемого произведения с памятниками, его сопровождающими, и не было.

⁵ При больших монастырях или при дворах епископий и митрополий рукописи переписывались иногда целой «дружиной» писцов по единому указанию. В последнем случае работа группы писцов (она может быть в большинстве случаев установлена текстологически без особого труда) представляет такой же интерес, как и работа одного писца.

Конвой может занимать в рукописях различное положение относительно изучаемого памятника. Он может следовать за памятником, предшествовать ему, «обнимать» его с обеих сторон, состоять из одного произведения или многих. Все это представляет интерес для исследователя, устанавливающего происхождение памятника, но самое важное, на что следует обращать основное внимание при изучении конвоя, это стабильность его положения относительно основного исследуемого памятника⁶. Так, в конвое цикла рязанских повестей о Николе Зараском входит «Повесть об убиении Батыя» Пахомия Логофета. Эта повесть сопровождает рязанский цикл не во всех его редакциях, а только в древнейших и, кстати, служит одним из признаков, по которым эти редакции могут быть опознаны, но место, занимаемое этой повестью относительно цикла, различно: повесть следует за циклом, вторгается внутрь цикла в разных частях. Это объясняется тем, что «Повесть об убиении Батыя» рассматривалась переписчиками и древними редакторами текста как произведение того же круга и о тех же событиях.

Любопытные данные по истории текста и вопроса о понимании древними переписчиками самого жанра произведения дает изучение конвоя «Сказания о киевских богатырях». Важное значение имеет установление конвоя произведений Грозного и Курбского, обычно объединяемых в единый цикл. Изучение конвоя произведений Ивана Пересветова помогло установить принадлежность Пересветову еще одного произведения: особой редакции «Повести о взятии Царьграда турками»⁷. «Повесть о двух посольствах», затрагивающая тему русско-турецких отношений XVI в., не случайно сопровождается конвоем других произведений, также касающихся русско-турецких отношений⁸. Уже давно обращено внимание на состав Мусин-Пушкинского сборника, в котором найдено «Слово о полку Игореве». Может ли этот состав быть признан стабильным? Ведь сборники того же состава встречаются без «Слова о полку Игореве». Изучение этих сборников помогло бы нам установить ту рукописную традицию, в которой дошло до нас «Слово».

Невнимательное отношение к конвою приводило к тому, что исследователями не были установлены целые циклы произведений; больше того, в некоторых случаях литературные произведения неправильно и непоследовательно выделялись в сборниках. Поучительно, например, отношение исследователей к «Сказанию о князьях владимирских». Из-за пренебрежения к конвою из «Сказания» была изъята его органическая часть: «Родословие литовских князей». Сходное же «Родословие литовских князей» в близком к «Сказанию» «Послании» Спиридона-Саввы оставлялось. Только исследованием конвоя удалось правильно отграничить «Сказание» от сопровождающих его произведений и установить историю его текста⁹.

⁶ Конечно, понятие «конвой» относительно. Если текстолог меняет тему исследования, то тот памятник, который он раньше изучал как основной, может оказаться в конвое нового исследуемого произведения.

⁷ «Сочинения И. Пересветова». Подготовил текст А. А. Зимин, М.—Л., 1956, стр. 16 и др.

⁸ М. Д. Каган, «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века («Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛ», XI, М.—Л., 1955), стр. 240.

⁹ См.: Р. П. Дмитриева, «Сказание о князьях владимирских», М.—Л., 1955.

До последнего времени было неясно, где начинается и где кончается «Сказание о начале Москвы». Исследование конвоя позволило правильно определить границы этого произведения и установить состав летописного сборника, в который оно первоначально входило и где окончательно литературно оформилось¹⁰.

Итак, изучение конвоя следует признать важной задачей историков древней русской литературы. Если произведение сохранилось не в одном списке, то изучение конвоя должно быть обязательным для всякой текстологической работы.

¹⁰ М. А. Салмина, *К вопросу о происхождении «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы»* («Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛ», XIII, М.—Л., 1957), стр. 231—234.